УДК 340.15

Селимова А.М.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье автором рассмотрен интересный период в истории государства и права Дагестана - проблемы развития нормативно-правовой культуры во второй половине XIX века. В этот период были предприняты меры по кодификации права народов Дагестана. Автор обращает внимание на программу по сбору адатов, которая была недостаточно полной и конкретной, правда, впоследствии она была дополнена вопросами: о величине и о размерах штрафов, налагаемых за прелюбодеяние, нанесение увечий, насилие, воровство и иные преступления; о зависимых крестьянах, о князьях и других сословиях. В программе были обойдены вопросы о сословиях, о структуре роли, статуса и функции старшин, картов, кадия и т.п. Привлекательно то, что это был живой процесс формирования системы права для Дагестанской области.

In article by author is considered interesting period in histories state and right Dagestana - a problems of the development normative-legal culture in the second half XIX age. The measures were undertaken In this period on codifications of the right folk Dagestana. The Author pays attention to program on collection, which was it is not enough full and concrete, truth, subsequently she was complemented by questions: about value; about size of the fines, imposed for adultery, fixing mutilate;maim, violence, larceny and other crimes; about hung крестьянах, about prince and other class. A wallpaper questions were In program about class, about structure, dug, status and functions of the petty officers, card, kadi, and t. p. Attractive that this was an alive process of the shaping the system of the right for Dagestanskoy area.

Ключевые слова: *Дагестанская область, программа, шариат, кодификация, правовая система, источник, обычное право, эволюция, социо-нормативная культура.*

Keywords: *Dagestanskaya area, program, codification, legal system, the source, common law, evolution, социо-normative culture.*

Как известно, историко-правовое развитие государственно-правовых институтов Дагестана во второй половине XIX в. дает интересную картину взаимодействия адатного права и российского законодательства.

В первой половине XIX в. деятельность России в Дагестане характеризовалась, помимо военных действий, активным поиском путей и методов, способствующих упрочению своего положения в регионе. Однако этот процесс столкнулся с рядом сложностей, вызванных наличием особенностей местной нормативно-правовой культуры. Наиболее непривычной и чуждой для населения оказалась система наказаний, применявшаяся российским законодательством (виселица, каторга, ссылка в Сибирь, телесные наказания горянок и т. д.), которые были непривычны и в определенной степени противоречили некоторым институтам, к примеру, кровной мести, и носили антирелигиозный (повешение) и оскорбительный (телесные наказания горянок) характер.

С учетом проблем формирования правовой системы, отвечающей требованиям новой власти, во второй половине XIX в. Были предприняты меры по кодификации права народов Дагестана.

Попытки предпринимались и раньше в плане собирания адатов, но активные усилия по кодификации адатов горцев были отмечены именно в указанный период в части сбора и изучения материалов обычного права. Идея и цель этой работы состояла в том, чтобы ослабить влияние духовенства среди горцев и создать систему права, отвечающую планам российских властей и отражающую связку с местной правовой традицией. Собирали адаты всем миром русские ученые-правоведы и даже военврачи [1]. Затем появились работы, в ко-

торых анализировалось обычное право горцев, публиковались памятники права. К примеру, в 1868 г. А.В. Комаров опубликовал "Адаты и судопроизводство по ним", в 1882-1883 гг. Ф.И. Леонтович издал в Одессе «Адаты кавказских горцев», а в 1899 г. в Тифлисе вышел знаменитый сборник И.Я. Сандрыгайло «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа».

После сбора материала кодификация осуществлялась в основном так: вначале приводился перечень общих адатов по убийству и увозу женщин, разврату, воровству, грабежу, потерям и находкам и т.д., затем давалось описание адатов о порядке предъявления, разбора и удовлетворения претензий по всем делам. Весьма детально указывались правила принесения присяги сторонами судебной тяжбы, их родственниками и свидетелями. Наконец, в сборнике достаточно подробно раскрывалось содержание различных видов частных адатов и механизм их реализации на практике в самых разнообразных вариациях, т.е. сборники изначально были нацелены на практическое применение. Подтверждает это и деятельность администрации по изучение разбирательства дел в горских судах. По мнению В.Г. Гаджиева, для проведения данной работы была составлена, как отмечалось, программа сбора адатов. При этом предусматривалось перевести на русский язык собранные адаты и используемые горцами нормы шариата [2, с. 12]. К сбору адатов, их переводу и комментированию решено было привлечь представителей зарождающейся горской интеллигенции, хорошо знающих арабский язык [3].

Программа предусматривала сбор информации, отражающей:

1) разделение каждого общества или племени отдельно на сословия, включая и крепостной класс людей;

2) права и обязанности каждого сословия по отношению к другому, включая и духовенство;

3) дела и преступления, которые в каждом обществе должны были рассматриваться адатом;

4) общие обряды суда по обычаям или адату;

5) права и обязанности каждого сословия;

6) наследственное право всех сословий;

7) раздел имений.

8. обряд духовных завещаний и исполнение по ним;

9. права и взаимоотношения родителей и их детей;

10. взаимоотношения между мужем и женой;

11. меры наказания: за неповиновение князьям и узденям; за преступления всякого рода [2, с. 12, 15].

Эта программа была недостаточно полной и конкретной, правда, впоследствии она была дополнена вопросами: о величине калыма; о размерах штрафов, налагаемых за прелюбодеяние, нанесение увечий, насилие, воровство и иные преступления; о зависимых крестьянах; о князьях и других сословиях. В программе были обойдены вопросы о структуре джамаатов, роли, статуса и функции старшин, картов, кадия, мангуша и т.п.

Принятое 5 апреля 1860 г. "Положения об управлении Дагестанской областью" устанавливало управление населением Дагестана не по законам Российской империи, а по адатам, сохраняло народные суды, тут правосудие отправлялось по адату и шариату, но под наблюдением военной власти.

В системе наказания все большую силу получает принцип личной ответственности конкретного лица, в связи с этим в судебной практике в значительной мере сужается применение наказаний, возлагающих имущественную ответственность на тухум.

Особое внимание было обращено на запрет назначения позорящих наказаний, о которых было указано выше. Замена суда, по адату, объективно способствовала усилению охраны жизни и имущества со стороны органов новой власти. Такие действия как внесудебная расправа признавались преступлением, был запрещен ишкиль, функции которого перешли к государственной власти. Важным изменением явилось возбуждение уголовного преследования органами власти, что способствовало снижению преступности, а также ограничению возможности освобождения от наказания путем заключения сделок между сторонами.

Изменилась и система доказательства, уменьшилось число случаев, когда преступник избегал наказания из-за того, что потерпевший не решался принести жалобу против представителя клана. Определяя характер эволюции обычного права народов Кавказа, в том числе и Дагестана немецкий исследователь А. Дирр писал: «Почти в каждом ауле, каждой сельской общине есть адаты, которые отличаются от адатов соседей, но лишь по второстепенным вопросам, как, например, высота штрафа, число свидетелей или присяжных и тому подобное.

Обычное право везде определяет следующее: убийство может быть оплачено кровной местью или примирением на определенных условиях; взлом или кража, если преступник захвачен на месте преступления, могут быть тут же улажены без наказания; в то же время нарушение супружеской верности женой или распутство самых близких родственников по женской линии карается смертью. Ранения лечатся за счет тех, кем они нанесены; пойманный вор возвращает украденное.

«Шариат слишком строг в наказании проступков, в которых местный житель не видит преступления, а, наоборот, даже геройский поступок, как, например, в краже скота, если оно совершено только не по отношению к родственникам» [4, с. 2]. Аналогичные высказывания, широко распространенные в дореволюционной литературе, убедительно опровергаются конкретными материалами обычного права Дагестана. Это и иные заблуждения А. Дирра, а также других ученых, в том числе современных, ученых вытаскивающие на свет божий пресловутую набеговую систему, основано на стремлении придать своим сведениям экзотический характер. Вследствие этого взгляды отдельных представителей общества приписываются всему народу, который в своей основной массе сурово осуждал воровство, убийства, грабежи, клевету, оскорбление, о чем свидетельствуют сборники адатов, пословицы и поговорки, осуждающие воровство, убийства, грабежи и т.д.

Интересно в данном случае наблюдение замечательного исследователя горской жизни народов Кавказа Ю.Ю. Карпова. Он пишет: «Вопрос о взаимоотношениях государства-завоевателя с покоренными народами представляет интерес в разных отношениях в каждом конкретном случае, для российско-кавказских отношений он особенно актуален, так как исторический аспект здесь часто пересекается с современным. Публицистика, СМИ регулярно муссируют его. Наука достаточно активно участвует в обсуждениях, предлагая те или иные интерпретации данного вопроса, которые в общем контексте оказываются в резонансе со «злобой дня». Теория «совместничества» В. Б. Виноградова в истории горцев и России, имеющая целью показать общее созидательное прошлое, его учениками, как ни странно, подкрепляется активной разработкой темы природного «хищничества» горцев, проецируемого из XIX в. в настоящее время [5].

Другие исследователи, следуя идеям «ориентализма», утверждают, что «изобретенный» в Европе образ Востока в России обрел «плоть» в отношении кавказцев; в результате сельская община, адатные суды и т.п. были якобы изобретены для «горцев-мусульман» чиновниками и учеными пред- и послереволюционного времени [6, с. 126 – 130]. В свою очередь среди современных кавказцев тема колониальной политики России (часто в худших ее проявлениях) является одной из главных. Диалог сторон нередко выглядит предельно односложным, где рефреном звучит: «Сам такой...» [7, с. 270].

Далее автор обращается к документам, в частности к результатам деятельности одного из чиновников царской администрации Александра Нурида.

Менее чем через два года после начала исполнения должности, в июне 1864 г., А. Нурид отправил начальнику Терской области рапорт о предпринятых мерах по «улучшению бытовых условий» населения – по «исправлению» положения женщины, нормализации судебного производства. Особо выделялось «дело о следах». Оно сводилось к тому, что в случае исчезновения у казаков скота последние отправлялись на его поиски «по следам» и, «доведши следы до какого-либо аула, казаки вызывали старшину и почетных аульных стариков, сдавали им след и отправлялись домой. Никакие убеждения жителей, что указанные и едва заметные конские или бычачьи ступни – следы их собственного [туземного] скота <.. .>, никакие просьбы жителей проверить сдаваемые следы <.. .> ничто не останавливало казаков <.. .>. За сим казаки, представив присяжные оценочные листы, получали неимоверно высокую плату, взыскиваемую с туземцев насильственными мерами. Где начало такого решения дел и чье распоряжение дало его в руководство – я не мог добиться при всем своем старании. Но так как здравый смысл и чувство справедливости возмущались против порядка, который нисколько не исключал злоупотребления одной стороны и не гарантировал интересы другой, я, по долгу своему, не мог оставить без внимания дело <...>.

Эта общественная кара эксплуатировала туземцев и в будущем грозила им совершенным разорением <...> Туземные жители целыми массами являлись в Управление с жалобами и со скрытным ропотом на несправедливые, по их мнению, требования начальства, а постоянный отказ усиливал в них чувства затаенного негодования и ненависти

к казакам. В их (казаков. – Ю.К.) преувеличенных требованиях туземцы видели право сильного, тем более что никакие клятвенные заверения их о ложных следах и о ложной присяге казаков не имели никакого успеха <...> Надобно было выйти из такого крайнего положения <.. .> Для достижения цели представлялось единственное средство: всякий раз, как только доведены следы до известного аула, доказать жителям его, что следы эти действительны и, следовательно, должны быть окуплены <...>».

А. Нурид разработал циркуляр, согласно которому проверка подобных ситуаций возлагалась на управляющих участками. Далее он отмечал, что данное распоряжение имело положительные результаты – количество соответствующих дел значительно уменьшилось. «Сведения эти, кроме весьма важного экономического значения, знаменательны в нравственном отношении. Они допускают мысль, что присяга, служащая основанием решения дел о следах, превратилась в орудие для обмана и породила особого рода коммерческий оборот, безнравственный и преступный». Хозяевами скота указывались «небывалые в крае» цены. «Если подобные цены определяются присягой, понятно, что присяга обратилась в одну лишь юридическую формальность, загубив свое высокое значение. Для казаков расчет ясный <...> Подобные поборы, подрывая благосостояние туземцев, вредно действуют и на нравственность самих казаков <.. .> ведут к барышничеству» [7, с. 272].

Интересен и вывод автора: «Но самой главной и существенной заботой должно быть соблюдение полной равноправности между туземцами и казаками как между подданными одного государства. Преобладание казаков над туземцами преимущественно в отношении местных судебных прав и по взысканиям служит главным разъединяющим началом. Как право сильного, оно вызывает в покоренном народе дикие страсти и скопляет в душе его затаенную ненависть и вражду к казакам ...» [8].

Карпов далее отмечает: «В данной формулировке сказалось его (А. Нурида – прим. авт.) горское происхождение. Но в не меньшей степени в ней отразилось воспитание, полученное в семье полковника Бибикова. Это должно внести уточнения в представления о том, кто и с какими мыслями осуществлял покорение горцев и управлял ими. К тому же «удачная» карьера А. Нурида свидетельствует о том, что, хотя его предложения не всегда воплощались в жизнь, его взгляды разделяли лица, занимавшие довольно высокие посты. И судя по всему, они достаточно хорошо знали местную конкретику и не изобретали кавказского Востока. Также следует отметить, что пресловутое «хищничество» горцев имело и другую сторону медали, поэтому однозначные оценки к нему вряд ли применимы…» [7, с. 272].

Больше нечего добавить справедливый взгляд на проблему, в том числе и в отношении «природной склонности» горских народов к набегам.

Разрешение таких дел, как, например, спор, драка без ранений, ущерб на поле и т.д., находилось в ведении картов, из числа уважаемых и преимущественно известных жителей, уже запрещен “джигка”, взамен было установлена присяга подозреваемого и его 40 родственников. Ослабление значения присяги и соприсяги, запрет обычаев, устанавливающих ответственность только лишь на основании присяги, в определенной мере ограничивали ложные оговоры и обвинения, заметно участившиеся в местной судебной практике. Видя, что введение в Дагестане общих законов Российской империи не дает желаемых результатов, правительство допустило суд по адату, и Головин предписывал при судебном разборе уголовных и поземельных дел «не руководствоваться исключительно законом, а преимущественно придерживаться народных обычаев и понятий» [9].

Сохраняя обычное право в качестве одного из источников действующего права, царские власти рассчитывали постепенно его видоизменить, предоставив местной администрации, совершенствование обычно-правовых норм в духе общеимперских установлений и ограничение применения или запрет тех или иных адатов. Власти надеялись со временем полностью вытеснить адат.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что объективно прогрессивные изменения в обычном праве были обусловлены общим ходом социально-экономического политического и правового развития Дагестана уже в составе России на правах административной единицы. Однозначно, влияние капиталистического уклада определило также и политико-правовой облик, что нашло свое отражение и в системе обычного права Дагестана. Безусловно, российское право в XIX веке, оказывало положительное влияние на развитие

государственно-правовых институтов Дагестана, соответствующих уровню развитых систем права.

Литература

1. Так, А. Цветов ходил по населенным пунктам Кюринского округа, записывал адаты и собирал другие материалы о тухумах. (Прим. – авт.).

2. *Гаджиев В.Г.* Адаты народов Северного Кавказа. «Отдельный оттиск». Махачкала, 1985.

3. Этими представителями были Хан-Гирей, подполковник М.-Г. Педисов, генерал-майор А.-Г., Кази-Гирей и князь М.-Г. Лоов, кн. Х. Уцмиев, штабс-капитан Д.-М. Шихалиев, капитан К. Курумов и кадии Ю. Кличев и М. Казиев.

4. *Dirr A.* Aus dem Qewohnheitsrecht der Kaukasischen Bergvolker. Zeitschrift fur Verglechende Rech Nissenschaft. 41. 1926.

5. *Клычников Ю.Ю., Линец С.И.* Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). 2-е изд., стереотип. / Под ред. и с предисл. *В.Б. Виноградова.* Пятигорск, 2008; *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...» Борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. *В.Б. Виноградова*. Пятигорск; Армавир; Славянск-на-Кубани, 2011.

6. *Бобровников В.О.* Изобретение исламских традиций в дагестанском колхозе // Расы и народы. М., 2006. Вып. 31.

7. *Карпов Ю.Ю.* Страничка из истории управления горцами Кавказа Российской империей // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV средиеазиатско-кавказских чтений 2010-2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009.

8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 303. Л. 18 об.-19.

9. А. Дирр родился 17 декабря 1867 года в Аугсбурге. В 1900 году (по другим источникам – в 1901 году) он предпринял своё первое путешествие на Кавказ, во время которого побывал и в Дагестане. Наиболее значимыми научными трудами являются: Studien zur Ethnographie Daghestans (1903); Die Verbreitung der Hausgewerbe im Daghestan (1910); Anthropologischeund ethnographische Ubersicht Uber die Volker des Kaukasus (1912); Einfuhrung in das Studium der kaukasischen Sprachen (1928); Исследования по этнографии Дагестана (1903); Народы Кавказа. Этнографический и географический обзор (1912); Кавказские верования и обычаи, связанные с охотой (1912) и т.д. В 1925 г. он издает историко-этнографический журнал «Caucasica». Во время работы в музее он читал публичные лекции по истории и культуре кавказских народов.